

УДК 821.531

ПРОБЛЕМАТИКА РАССКАЗА ХЁН ДЖИНГОНА «УДАЧНЫЙ ДЕНЬ»

Д. А. Эргашева

*Соискатель,
Технический институт Ёджу,
г. Ташкент, Узбекистан***THE PROBLEMS OF HYUN JINGON'S TALE "LUCKY DAY"**

D. Ergasheva

*Researcher,
Yeju Technical Institute,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. In Hyun Jingon's tale "Lucky Day", the problem of the destructive influence of money on a human's consciousness and life was revealed. The analysis of the compositional structure of the tale's text showed a whole set of features that eventually determines its specific features: dramatic compactness of the events and acting characters, concentrated chronotope (one day, in one district, limited by the route of rickshaw rides), repetitions of the most important theses (wife's request, thoughts about luck). The psychologically complex image of the main character of the story Kim Chomji, a key moment in his life, which was decisive in his destiny, is revealed. The process of transformation of the "great successful day" is traced, when it became a "great tragedy" for the hero.

Keywords: the artistic situation; motive of fate; story; nation genres; direction of realism; narrative form; "great successful day"; "great successful day".

В начале XX столетия в развитии корейской литературы наблюдаются глубокие перемены, обусловленные изменениями как в социально-исторической, так и культурной жизни страны [1]. Общая тенденция по активизации охватившегося движения, отмеченная в разных слоях социально-политической и культурно-исторической жизни Кореи, носила принципиально сопротивленческий характер, обусловленный стремлением страны и народа к независимости. Общее настроение, характерное для страны, устремленной к свободе, отразилось и на формировании новых направлений в литературе, которые проявлялись через творческие поиски писателей, активно заявлявших о себе в своих произведениях и общественно-литературных организациях.

Развитие корейской литературы в начале XX века, в эпоху бурных социальных катаклизмов и грандиозных преобразований на мировой арене, не могло проходить изолировано, в отрыве от всемирно-исторических событий, происходив-

ших в Европе и в России – в первую очередь. В связи с этим в произведениях корейских писателей этого периода наблюдается устойчивая социологизация и тематическая тенденциозность, направленная на изображение жизни людей социального дна, в целом устанавливающие причастность произведений к новому направлению.

В русле тенденций «Школы нового направления» (литературным течением, перенявшим «традиции социалистического реализма») написан рассказ Хён Джингона «Удачный день», опубликованный в 1924 году в журнале «Кэбёк». Характерной особенностью рассказа является демократическая устремленность писателя, разделявшего боль, страдания корейского народа, в условиях усиления японского произвола. События, описанные в рассказе, охватывают всего один день из жизни главного героя из социальных низов – рикши Ким Чхонджи, на фоне которого со всей правдивостью воссоздается в деталях сложная и трагическая судьба простого

человека, вырисовывается круг острых социальных проблем.

Начало рассказа демонстрирует некоторое отклонение от традиционного развития литературного сюжета, где экспозиционная часть предваряет основное действие. У корейского писателя действие начинается сразу, с завязки конфликтного узла, обозначенного констатацией факта об удачном дне: *«Холодное пасмурное небо с утра обещало снег, однако вскоре на город обрушился липкий промозглый дождь. Этот день оказался для рикши Ким Чхонджу, работавшего у Восточных ворот, особенно удачным»* [2, с. 53]. Образ главного героя Чхонджу разворачивается в пространстве и времени, предопределяющих идейную направленность произведения, социальное положение главного героя, которое передается путем пейзажной зарисовки. В первых предложениях задается основной тон повествования и обозначается основная коллизия, определившая характер и специфику конфликта. Идея произведения, авторская интенция к воспроизводимому факту даются в самом начале произведения, а собственно сюжет является образной экспликацией, разворачиванием именно данной идеи, но с противоположным знаком минус.

Здесь вырисовывается общая для поэтики этого произведения черта, указывающая на значимость для писателя «априорной» эмоционально-логической установки: поверх спокойной аналитической манеры исследования жизни он как бы пытается обнаружить в ней нечто архетипическое, неизменное, ожидаемое: удача временная, счастье кажущееся, радость преходящая. В соответствии с поставленной риторической задачей, которая диктует свои законы композиционного построения текста, в рассказе обнаруживается целый комплекс признаков, определяющих его специфику: драматургическая компактность событий и действующих лиц, сконцентрированный хронотоп (все-го один день в одном районе, ограниченном маршрутом поездок рикши), повторы

важнейших тезисов (просьба жены, мысли об удаче).

В рассказе оформляется конфликт как бы с «двойным дном», где на поверхности обозначается социальное противостояние, определяющее фабульную часть, а «со дна» проступает метафизическая коллизия, обостряющая общее конфликтное противостояние, обуславливающая специфику развития сюжета. Повествование обретает метафизико-трагическое содержание, организованное условными литературными средствами, где в обыденных бытовых сценах в обнаженном, бесприемно «чистом» виде проступают те или бытийные закономерности и фундаментальные человеческие свойства.

В контексте повествования рассказа Хён Джингона проблематизируется художественная ситуация, обостряющая вопрос о возможностях человеческой воли и способности человека противостоять судьбе. Фабула произведения в своей основе реально-бытовая, писатель тяготеет к разработке коренных проблем человеческого духа, стремится сквозь повседневность разглядеть её скрытую от внешнего взора сущность. Автор акцентирует внимание на выявлении трагического в повседневной жизни обычного человека. И выясняется, что среда, общество, история, природа, само мироздание – все это неотвратимо, фатально предопределяет его судьбу.

Уже в начале произведения, обозначившего завязку действия, в обыденную жизнь вторгается мотив удачи, важнейшей составляющей понятия «судьбы», выраженной через восприятие самого героя и его мироощущение:

«За первую езду выручил тридцать чон, за вторую аж целых пятьдесят, и все это за совсем короткое время – весьма недурно. Сегодня везет! А ведь целую неделю почти ничего не удавалось зарабатывать. Монеты позвякивали в руке, радуя промокшего рикшу. Сегодня эти 80 чон – ох, как пригодятся!» [2, с. 53]. Мыслительная рефлексия героя, выражающая

его состояние радости, обоснованно мотивируется крайней необходимостью заработанных денег именно в эти дни, разворачивая реалистическую картину событий: *«Жена уже больше месяца тяжело, надрывно кашляет. А денег на лекарство нет – их не хватает даже на пустую кашу из чумизы. <...> И вот на днях жена вовсе свалилась с ног, пришлось поверить – болезнь тяжелая»* [2, с. 53]. Так рисуется безрадостное зрелище тяжелой, обездоленной жизни рикши, его житейских проблем. Ретроспективно переданная рефлексия героя формирует экспозиционную часть произведения, представляющую общие приметы, условия художественной ситуации, в дальнейшем разворачивающейся в центростремительном сюжете, устремленном к финалу [3, с. 250].

В повествовании, где сосредоточен внутренний конфликт метафизического плана, проступает некоторая настороженность, обусловленная именно вторжением мотива удачи, соотношенной с возможной случайностью, которая способна повлечь за собой и неудачу. Мотив удачи в контексте рассказа сопрягается с мотивом рока и его ожиданием. На этом основано все повествование, отличающееся динамикой развития событий, порядок перечисления которых снимает их значимость и, напротив, создает напряжение, устремляющее как бы к финалу. Специфика сюжета заключается в том, что от перестановки экспозиции и завязки в целом повествовательная стратегия не прерывается, логика движения сюжета получила дальнейшее развитие, сосредоточив акцент на мысли о фортуне: *«... на этом удачи его не закончились. <...> Сколько может везти человеку? Этот студент не хочет тащиться до вокзала, да и плаща, видимо, нет у него... Рикше даже стало немного страшно от такого везения. Ну, а вдруг все прекратится?»* [2, с. 55].

Везение воспринимается героем как неумолимый рок, нависший над ним, вы-

зывающий не случайно чувство страха. Человек чувствует свою беспомощность перед судьбой, способной безжалостно погубить все помыслы и надежды людей, вызывающей мысль о недолговечности счастья. Через обыденное восприятие героя актуализируются глубокие философские вопросы, которые в контексте данного рассказа приобретают онтологическое звучание, особенно значимые для корейской ментальности, где понятие «судьба» является определяющим в бытийном плане.

Образ судьбы, бегущей рядом с рикшей, запряженным в тележку, обретает вполне зримые очертания, переданные через его ощущения: *«Усадив студента в коляску, рикша понесся с места бегом. На ногах у него словно крылья выросли, он скорее летел, чем бежал. И колеса его рикши-таратайки крутились столь легко, что он за собой не замечал никакой тяжести. Рикше казалось, что он тащит не тележку на колесах по дороге, а легкие саночки на коньках по льду, хотя лил на землю холодный дождь, и ногам было скользко на грязной дороге»* [2, с. 56].

Присутствие капризной судьбы ярко передается через все то же восприятие и ощущения героя, забывшего от радости об усталости, тяжести, скользкости. Именно в этот момент судьба напоминает о своем присутствии, к которой герой не прислушался: *«И вдруг его ноги враз словно отяжелели. Он как раз пробежал по своей улице мимо своего дома. В ушах снова зазвучал осипший голос жены: «Сегодня остались бы... Мне плохо...». И пристальный взгляд был у неё, просящий, как у больной собаки, и голос прерывался...»* [2, с. 56].

Не случайно именно в этом месте «ноги отяжелели». Авторская концепция по определению и художественному осмыслению понятия «судьба» отличается глубиной и многозначностью: судьба посылает знаки человеку, а принять их или не принять – это уже воля человека. Писа-

тель выдерживает психологическую характеристику в заданном ритме и соотношении двух планов: бытового и всебытийного, пытается объяснить психологическое состояние своего героя, которое можно аттестовать, как неосознанная попытка героя противостоять страху, «перебороть» судьбу, бегущую рядом с ним. Социальное, не уступающее онтологическому, привносит в повествование реалистические мотивы, отодвигая бытийное на задний план: *«И своему щедрому пассажиру, который был вдвое моложе него, кланялся бесперебойно...»* [2, с. 56].

Простое, обыденное, проявлением которого становится житейски-бытовая ситуация, сталкивается с онтологическим, выраженным через концепт удачи, везения, семантически соотносимых с мотивом рока, судьбы, художественно реализуемая в данном произведении. Необходимо отметить, что наблюдается трансформация локального конфликта в субстанциональный, преобразование и переход социально-этической проблематики на онтологический уровень. Философско-этический план развития конфликта формирует сферу глубокого понимания, которое позволяет рассмотреть конфликтное противостояние между материальными ценностями, выраженными в заработанных рикшей деньгами и – вневременными, общечеловеческими, заключенными в метафизическом контексте понятия удачи.

Мотив рока, судьбы, определяющий динамику развития сюжета, раскрывается в кульминационном эпизоде, где быстро захмелевший рикша не выдерживает физической усталости и эмоциональной нагрузки: *«... неверной рукой схватил друга за ухо..., начал придирается...»* [2, с. 60]. Писатель с психологической достоверностью передает состояние опьяневшего рикши, выплескивающего чувства обиды и несправедливости, сдерживаемые до этого момента. Причины всех бед и несчастий в своей жизни он видит в деньгах, с которыми связан «удачный день»: *«Деньги... Проклятые вы гады... Самые*

проклятые мои враги... Хотите свести меня в могилу Я вас...» [2, с. 61]. И совершенно неожиданно для всех рикша размахнулся и швырнул монеты в стену. *«Деньги отскакивали от неё, разлетаясь во все стороны, падали на крышку кастрюль, в чаши для разогрева рисовой водки – и словно подстёгнутые, со звоном разлетались далее, будто жалуясь на обиду и вящую несправедливость слов рикши»* [2, с. 61].

Эпизод в трактуре свидетельствует, что Ким Чходжи осознал, что его бесправность, безысходность жизни связана с безденежьем, «деньги-идолы», обрекшие его, его семью на нищенское существование, деньги, только недавно доставляющие ему радость, стали ненавистными врагами. Проблема губительного воздействия денег на сознание и жизнь человека является достаточно традиционной в мировой литературной практике. В рассказе корейского писателя отсутствует критический взгляд на обстоятельства, нет выхода на социальные обобщения, выявляющие истинные факторы бедственного положения простых людей, но художественная ситуация, обрисованная в произведении, обнажает до предела тяжкое положение людей социальных низов и их неспособность противостоять ударам судьбы. Через поведение героя рассказа, который «вдруг закатился диким хохотом. Он смеялся столь жутко, что взоры всех, кто был в харчевне, мигом обратились к нему», автор раскрывает роковые последствия слепой фортуны, с силами которой не способен справиться простой человек.

Писатель детализировано подробно прослеживает процесс трансформации «великого удачного дня» в финале, когда он обернется для героя «великой» трагедией. Автор сознательно нагнетает трагическую ситуацию при помощи различных художественных средств, чтобы передать метафизическую атмосферу, где человек оказывается слабым орудием высших роковых сил: *«испугала зловещая тишина, схожая с мертвым штилем после зати-*

шего на море урагана», «Ким Чхонджи в глубине замершей в предчувствии души», «дурное предчувствие и темный страх», «холодея от ужаса» и т.д.). Усиливая метафизическое воздействие на читателя, писатель в то же время не ослабляет критической силы влияния, тем самым достигает нужного эффекта восприятия, вызывая чувство сострадания и сочувствия к герою.

В заключительных строках рассказа, составляющих развязку произведения, раскрывается осознание героем ужаса случившегося, чувство великодушия, исходящего из сердца, подавленного героем, замученного нищетой человека. Авторская интенция, выявленная в контексте всего произведения, особой организации сюжетно-композиционной структуры, тщательного отбора художественно-образительных средств, выражается в глубоком гуманизме писателя, утвержда-

ющем человеческую жизнь как самую высшую ценность: «Тяжелые слёзы живого человека упали на лицо мёртвого. Рикша наклонился и начал тереться об её холодный, гладкий лоб. – Я же купил тебе суп на мясном бульоне, как ты просила, – шёпотом причитал он. – А ты не хочешь есть. Встань, поешь. Ты не сердись на меня. Я тебе скажу, что сегодня у меня был удивительно везучий день...» [2, с. 65].

Библиографический список

1. <http://rikonti-khalsivar.narod.ru/Korea33.htm>
2. Избранные корейские рассказы нового времени / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Междунар. центр корееведения / сост. пер. А. Х. Ин, Ким Сыну; Лит. пер. А. А. Ким. – М.: Изд-во МЦК МГУ, 2003.
3. Хализев В. Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2002.

© Эргашева Д. А., 2022.